

Каменский Е. Г., канд. соц. наук,
Асеева И. А., д-р филос. наук, доц.
Юго-Западный государственный университет

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ*

kamensky80@mail.ru

В статье представлена философско-методологическая модель антропологического кризиса, вызванного социокультурными трансформациями современной цивилизации; анализируется сущность и причины состояния аномии социально-ориентирующих и культурно-регулятивных механизмов социальной системы; рассматриваются экзистенциальные характеристики личности в новом «инновационном» социальном пространстве.

Ключевые слова: антропологический кризис, аномия социальной системы, экзистенциальные риски личности.

Современное пространство бытия человека повсеместно характеризуется как кризисное. Измерения кризиса представлены чрезвычайно многообразно, как по критериям сущностно-содержательных типологий, так и по внешним системным и структурным признакам. Так или иначе, онтология социокультурного пространства описывается и объясняется как кризисная среда антропосферы. «Идея, согласно которой наступает переломная эпоха в развитии цивилизации, в общем-то разделяется многими. Историки, философы, социологи часто пишут о рубеже столетий как о времени переоценки ценностей, поиска новых путей цивилизационного развития» [1].

Дискуссии по поводу источника кризиса выходят сегодня далеко за рамки дисциплинарных матриц научного анализа, более того, за рамки научного анализа вообще. Теологические интерпретации, обыденное сознание, спекулятивные науки - все это присутствует в диалоговом диапазоне многочисленных оппонентов и союзников тех или иных позиций, попеременно меняющих лагерь дислокации. Это, впрочем, может объясняться разными причинами и не подлежит обсуждению в данной статье. Так или иначе, но необходимо представить проблему, опираясь на три кита научного анализа – объективность, системность и историзм, - избегая при этом излишней метафоричности изложения, неуместной интеграции еще не интегрированных форм познания, потакая желанию охватить проблему во всей ее полноте и сложности. То есть необходима попытка анализа заявленной проблематики, основанного на адекватной методологии, отбрасывая конъюнктурные и личные научные, религиозные или моральные императивы.

В первую очередь, попытаемся понять какова сущность кризиса вообще, сущность со-

временного кризиса, в частности, и что содержит в себе его антропологическое измерение. Хотелось бы оговориться, тем не менее, что чистота определенных понятий в изложении может быть подвергнута критике по причине их несколько различной трактовки, например в философии, психологии и социологии, что диктует необходимость некоторого трансдисциплинарного синтеза в рамках социальной теории. В любом случае, соблюдение указанных принципов будет выполняться в работе максимально полно.

Итак, что есть кризис? А, главное, кризис цивилизационный? Кризис антропологический? Здесь уже очерчены как минимум три объектных вектора понимания, не считая самого главного – тех связей, которые объединяют данные объекты в проблему, суть которой необходимо объяснить.

В.С. Степин, проясняя вопрос о различиях в типах цивилизационного устройства в онтогенезе человечества, говорит о том, что их «...можно разделить на два больших типа – традиционалистский тип цивилизации и цивилизацию, которую часто называют западной, по региону ее возникновения, и которая сейчас уже представлена не только странами Запада. Я называю эту цивилизацию техногенной, поскольку в ее развитии решающую роль играет постоянный поиск и применение новых технологий, причем не только производственных технологий, обеспечивающих экономический рост, но и технологий социального управления и социальных коммуникаций» [2].

По сути, разворачивание дискуссии вокруг терминологии не столь важно в данном случае и для решения поставленных задач в целях операционализации можно отождествить понятия техногенной и западной цивилизации, так характеристики последней укладываются в кате-

гориальное поле первой. Это тем более актуально, если принимать во внимание процессы глобализации, непосредственно затрагивающие вопросы и цивилизационного развития, и становления новых типов исторического процесса в рамках иных подходов, и аналогичные. В частности, М.Ш. Шарипов отмечает: “мировая цивилизация находится под сильным прессом западных ценностей, ее экономики, технологии и культуры, в ней инициируется западная духовность. Запад вторгается в достижения глобализации и ресурсы соседних стран и эксплуатирует их в целях собственной всемирной экспансии, устанавливает формы нового мирового порядка, вызывая масштабные кризисы и тупики в неразвитых странах ... В целом мировое сообщество будет развиваться, спонтанно подчиняясь общим глобализационным проектам, и двигаться к единому финансово-экономическому, военно-политическому и информационному пространству, функционирующему исключительно на основе высоких технологий” [3].

Следовательно, кризис можно определить как состояние перехода системы из одного качественного состояния в другое, вне зависимости от его аксиологических или иных характеристик, присваиваемых кем-либо данному процессу. Кроме того, общество, цивилизация как его характеристика и сложный феномен социокультурного развития, обладают всеми признаками целостной системы и чрезвычайно сложны, что требует принимать во внимание бесконечно большое количество параметров для оценки ее состояния. Несмотря на разделяемую нами позицию синергетиков [4] относительно определяющей роли так называемых параметров порядка в вопросах изменения состояний системы, этот вопрос не нашел еще должного отражения в социальных и гуманитарных науках по сей день.

В.С. Степин отмечает: “Важно различать в качестве основных типов системных объектов простые (малые) системы, сложные (большие) саморегулирующиеся системы и сложные саморазвивающиеся системы. Каждая из этих систем требует для своего освоения особых категориальных смыслов” [5]. Принимая эту методологическую установку, отметим, что попытки формулировок универсальных категорий описания состояния кризиса социальной системы существуют. В социологической теории активно используется понятие социальной аномии.

В научной периодике, отражающей динамику взглядов на проблему, представлено большое число аналогичных мнений. В той или иной степени, но все они содержат критику качественного состояния современной социокультурной среды, ее ценностно-нормативного про-

странства. Это дает основание говорить об аномичности социально-ориентирующих и культурно-регулятивных механизмов социальной системы.

В первую очередь это является следствием состояния аномии как перехода общества и личности от одной референтной системы ценностного нормативного регулирования социальной жизни к другой, качественно отличающейся от предшествующей. Сама эта фаза перехода характеризуется отсутствием четко идентифицируемых ценностей и нормативов осуществления всего многообразия социальных практик, по крайней мере, сообразно декларируемым в обществе приоритетам, так как последние, выступая комплексом идеологем, не обеспечены реальными механизмами их обеспечения, порождают многообразие имитационных практик ценностно-нормативного регулирования.

Такого рода аномичность, основанная на таком ее понимании Э. Дюркгеймом [6], представляет собой состояние «отсутствия нормативности» и является пространством формирования состояний аномичности иного рода, описанных Р. Мертоном [7]. «Мертоновская» аномия характеризует систему состоянием ценностно-нормативной сферы общества, когда достижение легитимных целей легитимными же средствами невозможно. В таких условиях у субъектов взаимодействия формируются альтернативные адаптационные способы социального бытия.

Таким образом, в данном случае мы разделяем позицию В. Афанасьева, который утверждает: «Изучение дюркгеймовской и мертоновской трактовки аномии показывает, что они взаимодополняемы. Если первая акцентирует внимание на переходных периодах в развитии общества, то вторая – на стадиях относительно стабильного функционирования. Обе концепции описывают и объясняют соционормативные аспекты регуляции поведения, которые самым тесным образом связаны с механизмом детерминации отклоняющегося поведения. Аномия, как в форме безнормности, так и в форме рассогласования целей и средств, выступает в качестве одной из существенных предпосылок, опосредующих генезис девиантного поведения, в силу чего последнее не может быть полностью объяснено без использования категории аномии» [8]. Новые реалии требуют нового содержания антропосферы.

Мы полагаем, что особо важным методологическим императивом современного понимания экзистенции «нового» человека должно быть четкое осознание кризиса неклассического типа рациональности техногенной цивилизации,

становления постнеклассической методологии, основанной на референтности гуманитарных ценностей, принципах живой этики и переосмыслении канонов утилитарности антропосоциокультурного пространства.

Приведенный конструкт позволяет снимать ограничения дисциплинарных матриц и вновь обращаться к философско-антропологическому знанию на транснаучных основаниях, представляя отвергнутые материалистическим мировоззрением и особо актуализировавшиеся сегодня старые проблемы метафизики (душа, внутренний мир и аналогичные). Кроме того, гносеологические модели такого рода выглядят вполне адаптированными к самой социальной практике как контекстуальной среде становления личности.

В частности, в условиях нарастающей глобализации закономерно возникает вопрос об особенностях формирования экзистенции личности в новом «инновационном» социальном пространстве. Мы являемся свидетелями становления новой личности – глобальной, постиндустриальной, информационной. В то же время продолжается обострение конфликта самоопределения личности в цивилизационном и глобальном измерениях. Природе человека присущи собственные ритмы, которые нарушаются стремительным технико-технологическим прогрессом. Технические, культурные, политические и экономические инновации ускорили темп течения социального времени, сделав его ступени в несколько раз короче темпа физического, биофизиологического и социального развития человека. Если отношение «человек – техника» не вписывается в культурный и социальный контекст человеческих отношений, то внедрение технико-технологических инноваций приводит к разрушительным последствиям, как в случае свершения насилия над человеческими началами прогресса, его гуманитарными аспектами.

Следовательно, состояние современной техногенной цивилизации и описывается максимально содержательно широким понятием «постиндустриальности». Однако, в настоящее время по-прежнему продуцирование и использование технологий является индикатором формирования нового типа общества, и даже сама глобализация в значительной степени приобретает технологический оттенок. Сегодня технологии получили свое распространение как в материальной сфере, так и в духовной, и в результате не столько капитал, сколько владение передовыми технологиями становится показателем успешности той или иной стратегии социального развития. Даже, «определяя сегодня экономическую стратегию, необходимо осознать, что

современный мир это, прежде всего, мир технологий, мир, где покупают и продают продукты интеллектуального труда» [9]. Можно сказать, что технологичность стала критерием измерения соответствия «современности». На фоне ускорения технологической глобализации происходит замедление экономической и, возможно, замена «индустриализированного» сознания на «постиндустриализированное». Но каковы же характеристики этого типа сознания и его онтологической среды? Ведь так называемые «инновационная» парадигма социального развития и имеет в современном мире своим основанием технико-технологическое экспоненциальное обновление мира и человека, где о последнем свидетельствуют, хотя бы, базовые положения трансгуманизма.

При этом очевидно, что научно-технический прогресс, открывая все новые и новые возможности и перспективы для человека, порождает в то же время новые риски и угрозы. В связи с этим все чаще современное высокотехнологичное общество характеризуется как «общество риска». Иными словами, в современном глобальном информационно-культурном пространстве технологический прогресс инициирует появление экзистенциальных рисков, связанных с глубокими экзистенциальными проблемами современного человека.

Сегодня сами по себе процессы глобализации вносят существенные коррективы в формирование личности, так как в динамических условиях человеку гораздо труднее соотносить себя с развитием событий. Быстро изменяющаяся социокультурная и антропотехническая среда определяет изменения во взглядах человека на сущность бытия, его мировоззрение. Для характеристики современного состояния человека Э. Тоффлер предложил термин «футурошок» [11]. Человек попадает в ситуацию шокового состояния, в ситуацию стресса, потому что он не в силах адаптироваться к объективным изменениям с нужной, адекватной скоростью. Именно поэтому в современных условиях с особой остротой актуализируется внутренний, экзистенциальный конфликт личности. Он и является центральной темой антропологического кризиса техногенной цивилизации и нуждается в дальнейшем скрупулезном исследовании в пространстве трансдисциплинарного дискурса.

*Статья выполнена в рамках госзадания Минобрнауки на 2013-2015 годы.

Проект № 6.8434.2013 «Потенциал научно-образовательных стратегий преодоления антропологического кризиса техногенной цивилизации».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Степин В.С. Стратеги цивилизационного развития и проблема ценностей // Россия и современный мир. – 2003. - №1. – С.5 (5-18).
2. Степин В.С. Стратеги цивилизационного развития и проблема ценностей // Россия и современный мир. – 2003. - №1. – С.5.
3. Шарипов М.Ш. Глобализация и кризисы мировой цивилизации // Власть. – 2010. - №6. – С.120.
4. См. подроб. работы В.С. Степина, Буданова В.Г., Малинецкого Г.Г. и других представителей синергетики.
5. Степин В.С. Системность объектов научного познания и типы рациональности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2007. - №1. - С.66.
6. См. напр.: Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд [Текст] / Э. Дюркгейм / Пер. с фр. с сокр.; Под ред. В. А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
7. См. напр.: Мертон, Р. К. Социальная структура и аномия [Текст] / Р.К. Мертон // Социология преступности. - М., 1966. - С.299-313.
8. Афанасьев, В. Эволюция концепции аномии в социологии девиантного поведения [Текст] / В. Афанасьев // Федеральный образовательный портал ЭСМ. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/601/542/1216/007x20a/FANASXEW.pdf>
9. Ходорковский М. Интеллектуальный потенциал и экономический рост России: возможности и пределы [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.tusur.ru/r_libres/ONLINE/ELG_IS/content/publish_cd/nst5ps.htm
10. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: «Издательство АСТ», 2004.